

Тань Чжан редко появлялся на утренних собраниях, а Цзи Мин внизу то говорил, что генерал Юаньтянь с южных границ не уважает императорский закон, то поворачивался и ругал северных варваров Цзинмань за то, что они слишком обнаглели. Император слушал долго, но с трона было слишком далеко, и канцлер не мог разглядеть его выражения лица, так что ответа, естественно, не получил.

— Любимый министр, — наконец окликнул его император Цзинфэн.

Цзи Мин немедленно упал на колени, довольный тем, что целый день распускал слюни.

— Ваш слуга здесь!

Голос императора был мягким и спокойным, доносясь с высоты трона:

— Я очень доволен Юйэр. Она умна и послушна, ты воспитал её хорошо.

Цзи Мин...

Придворный евнух рядом склонился и поднёс нефритовый жезл руи. Цзи Мин со сложным выражением лица взял его в руки.

Увидев, что он принял жезл, император Цзинфэн добавил:

— Выбери подходящий день, я тогда дам ей титул.

Цзи Мин стиснул зубы, вынужденно поклонился и произнёс:

— Благодарю Ваше Величество за милость.

Спустившись с зала собраний, император вернулся в Чертог Юйлун. Евнухи помогали ему сменить одежду, и один из них тихо сказал:

— Лекарство принимается регулярно, господин может не волноваться.

Все внизу думали, что император забрал Цзи Юй во дворец, чтобы держать её под присмотром, и тогда будет удобнее убить. Тань Чжан ничего не сказал. Сняв халат, он сел на императорский трон, впервые почувствовав ясность в душе и тепло в животе.

Тань Чжан помолчал, а затем внезапно приказал:

— Позови Лу Чаншэна.

Евнух, не понимая настроения императора, поспешил осторожно вызвать врача.

Лу Чаншэн только что закончил сушить лекарства и, спотыкаясь, упал на колени, не смея подняться после поклона.

— Лекарство для Цзи Юй, — Тань Чжан сделал паузу и спросил, — сколько времени потребуется, чтобы получить результат?

Лоб Лу Чаншэна покрылся потом, но он был уверен в себе:

— Не более года.

Веки Тань Чжана дрогнули.

Лу Чаншэн, видя, что император долго молчит, подумал, что тот недоволен медленным действием лекарства, и поспешил объяснить:

— Использование яда и лекарства одинаково, ни в коем случае нельзя действовать грубо. Моё снадобье без цвета и запаха, годами его не обнаружат. Цзи Мин — коварный и хитрый человек. Если Цзи Юй умрёт слишком рано, это обязательно вызовет его подозрения, поэтому я считаю...

— Я спрашиваю тебя, — Тань Чжан внезапно перебил его, опустив голову и без выражения спросил, — это лекарство можно нейтрализовать?

Лу Чаншэн опешил, не понимая, почему император вдруг так говорит, но честно ответил:

— Медленно нейтрализовать, конечно, можно...

Тань Чжан нахмурился, он словно внезапно снова разозлился и усмехнулся:

— Значит, можно нейтрализовать?

Смелость Лу Чаншэна была на грани срыва от таких переменчивых эмоций, и он задрожавшим голосом произнёс:

— Это лекарство могу нейтрализовать только я. Я ни в коем случае не передам рецепт противоядия другим. Если Ваше Величество не верит...

Тань Чжан, потирая виски, сказал очень нетерпеливо:

— Я верю.

Лу Чаншэн...

Он действительно не мог понять: этот император хочет, чтобы Цзи Юй жила или умерла?

Цзи Цинбай, конечно, не знал о коварных подводных течениях снаружи. Сейчас он всей душой думал о том, что вечером будет спать с Тань Чжаном.

Сама Цзи Юй выглядела пресной и даже слегка язвительной, только глаза были как тонкие ивовые листья, что было её особенностью и очень напоминало изначального Цзи Цинбая. Однако мужские глаза на женском теле красивыми назвать было никак нельзя.

Служанки, вероятно, тоже не знали, чем их госпожа привлекла благосклонность императора. Когда стемнело, они увидели, как Цзи Цинбай с радостным лицом ждёт, когда евнухи придут, чтобы унести его.

Тань Чжан сегодня вечером не очень хотел спать. Хотя он и не понимал, что происходит с болью огня Инь внутри него, но смутно чувствовал, что когда он рядом с Цзи Юй, боль ослабевает на семь-восемь десятых.

Император не был трёхлетним ребёнком. Борьба за власть при дворе изначально была схваткой между императором и канцлером. Теперь Цзи Юй во дворце — это и ограничение, и возможность. Он мог использовать дочь, чтобы угрожать Цзи Мину, но если Цзи Юй получит благосклонность, Цзи Мин тоже сможет плавать как рыба в воде, опираясь на младшую дочь.

Ради власти Тань Чжан, конечно, не стал бы по-настоящему благоволять Цзи Юй, но держать её рядом с собой было не без выгоды.

Настроение императора то раздражалось, то злилось, и выражение его лица тоже было не очень приятным. Когда Цзи Юй внесли, Тань Чжан уставился на неё таким неоднозначным взглядом. Если бы Цзи Цинбай был в своём истинном облике, у него бы, наверное, шерсть встала дыбом.

Он размышлял: вчера вечером ведь всё было хорошо? Он не лез на кровать, не линял, соблюдал правила Нижнего мира и тихо ушёл в середине ночи. Почему же Тань Чжан всё ещё так трудно угодить?

Но он не мог спросить и не смел спрашивать!

В эти несколько дней император должен был страдать от самой сильной боли огня Инь. Обычно к вечеру в животе Тань Чжана постепенно разгорался пожар, но когда Цзи Юй вошла в Чертог Юйлун, этот огонь словно внезапно встретил освежающий дождь. Даже с закрытыми глазами Тань Чжан чувствовал разницу.

Он снова взглянул на Цзи Юй. Та покорно стояла на коленях у его кровати, опустив голову. Волосы на голове не были убраны в причёску, а свободно ниспадали.

Тань Чжан взошёл на трон уже много лет назад, а его внутренние покои и правда были пустынно. Он жил в воздержании почти двадцать лет, не видел ни одной женщины в лёгкой одежде. Единственный раз, когда он приблизился к женскому полу, был в Саду Золотого Пруда, где Цзи Цинбай накрыл его лицо нагрудной повязкой.

Вспомнив об этом, взгляд императора невольно устремился к груди Цзи Юй.

Сегодня Цзи Цинбай пришёл в лифе.

Зная, что сегодня будет спать с Тань Чжаном, он заранее надел лифчик. Нагрудная повязка была слишком тугой, лучше обойтись без неё, если возможно.

Тань Чжан не питал фантазий о большой груди и не чувствовал нетерпения. Он оставался спокойным, полужёжа на драконьем ложе, и только когда странное чувство в сердце немного утихло, сказал с отвращением:

— Ложись спать.

Глаза Цзи Цинбая засияли, и он осмелел. Возможно, он забыл о своём положении и машинально полез на драконье ложе. Тань Чжан открыл глаза и посмотрел на него как ножом. Только тогда у Цзи Цинбая ёкнуло в сердце.

Он ведь забыл, что сейчас в Нижнем мире, а не в Обители Будды.

А насчёт залезания на кровать в Обители Будды были свои правила.

Когда Цзи Цинбая забрал Тань Чжан в Высший мир, тому только исполнилось чуть больше ста лет с момента обретения божественного статуса. Он тогда ещё не привык принимать человеческий облик, и Почтенный Будда несколько раз выражал недовольство, прежде чем он наконец смог принять форму и перестал слоняться повсюду с львиной головой и свиным телом.

У тапира не было никаких правил. Он стал божеством ради свободы и раскованности, для чего не пожалел даже слить свою душу с древней светильней.

Именно поэтому Цзи Цинбай, чьим истинным обликом был всего лишь тапир, смог через совершенствование стать Верховным богом.

В конечном счёте, заслуга принадлежала его изначальной душе.

Эту основу, конечно, не скрыть от глаз Тань Чжана. Сила Почтенного Будды была предельной, и даже масло в светильне души Цзи Цинбая питалось и становилось чистым и ярким. Вначале, когда он сопровождал его во сне, он не обращал внимания, принимал истинный облик и беззаботно спал с Тань Чжаном на лotosовом ложе, а просыпался от того, что Почтенный Будда без церемоний скидывал его с кровати.

Цзи Цинбай был ошеломлён и не совсем понимал, невзлюбил ли его Тань Чжан за истинный облик или же презирал за то, что делил с ним постель.

Почтенный Будда стоял босиком перед Цзи Цинбаем. В те времена тапир действительно боялся его, дрожа сворачивался в клубок, и в поле зрения были лишь щиколотки Тань Чжана.

Пара Колокольчиков Забвения была закреплена на щиколотках Почтенного Будды. На лицевой стороне золотисто-бронзовых колокольчиков были выгравированы сутры, которых Цзи Цинбай не знал. Щиколотки Тань Чжана не были такими тонкими, как у женщины; округлые косточки лодыжек подобны изящным пикам, резко изгибаясь вниз, соединяясь со стопой, холодной как снег.

Тань Чжан снова ущипнул Цзи Цинбая за загривок, слегка потряс его:

— Ты слишком много линяешь.

Цзи Цинбай не смел много говорить, и во второй раз лёг спать в человеческом облике под лotosовым ложем.

Но, проснувшись, снова превратился в тапира и лежал рядом с Тань Чжаном.

Цзи Цинбай в испуге скатился с лotosового ложа. Почтенный Будда тоже проснулся от его шума и слегка разозлился:

— Ты чего уклоняешься?

Цзи Цинбай от страха заикался:

— Я-я линяю...

Тань Чжан...

Цзи Цинбай:

— Я не специально залез на кровать. Он на самом деле не страдал лунатизмом, просто на момент пробуждения забылся и не понимал, как оказался на кровати Почтенного Будды.

Тань Чжан равнодушно сказал:

— Я сам уложил тебя.

Цзи Цинбай...

Почтенный Будда смотрел на него с неким скрытым смыслом и лишний раз заметил:

— Похолодало.

Цзи Цинбай вроде как понял характер Почтенного Будды: пока он в человеческом облике, Тань Чжан любил спать с ним под одним одеялом. Просто Цзи Цинбай не так давно обрёл божественный статус, и его сила в Обители Будды была ограничена. Забывшись во сне, он легко возвращался в истинный облик. Весной и летом он линял, и Почтенный Будда каждый раз просыпался с зудом во рту, естественно, не любил его бесцеремонность. Но осенью и зимой было иначе. В это время, даже если Цзи Цинбай забирался на кровать весь в шерсти, Тань Чжан был рад обнимать его, и спать можно было как угодно.

За эти десять тысяч лет в Обители Будды Цзи Цинбай был окончательно избалован Тань Чжаном. И вот в Нижнем мире он тоже позабылся и повёл себя бесцеремонно.

Император не отрываясь смотрел на ногу Цзи Цинбая, уже занесённую на драконье ложе, и на его лице не было видно ни радости, ни гнева.

Цзи Цинбай покрылся холодным потом и, пристыжённый, сам слез с кровати, снова опустившись на пол.

<http://bllate.org/book/15582/1387542>